

ТАЛАНТЛИВОСТЬ — явление надличностное. Талант — дар. И даруется он загадочно, непонятно кому и зачем. А человек ведь существо «многооставное» (Достоевский), чего в нем только не намешано — хорошее и дурное, прекрасное и отвратительное, высокое и низменное. Многие талантливые писатели на страницах своих книг реализуют лучшее, что в них есть или о чем они лишь мечтают, в повседневной жизни они другие, нежели в собственных произведениях.

Но были и есть писатели, в которых талант и личность органично слиты, неразделимы, они в творчестве и в повседневности неизменно верны единому нравственному императиву.

Таким был К. Г. Паустовский. О нем можно сказать словами Б. Окуджавы: «Как он дышит, так и пишет». Мне посчастливилось познакомиться с ним ранней весной 1957 года в писательском Доме творчества в Дубултах. Потом бывал у него в Тарусе и Москве, списываясь, съезжались в Ялте.

...Слушал передачу Российского радио, посвященную 100-летию Паустовского. Какой-то снисходительно-небрежный тон. Автор-ведущий даже высказал предположение, что это в последний раз отмечается юбилей писателя, затмили его другие, более значительные. А он всего-навсего «наивный романтик», и все его творчество — «голубые сказки», и не более того. Передача так и называлась: «Корзина с голубыми сказками». Хлестко и несправедливо. Мягко говоря, а если определеннее, то просто неумно, безответственно и оскорбительно.

Песенка эта ненова. Еще при жизни Паустовского, во времена недоброй памяти соцреализма, его загоняли на обочину, так же, через губу, обзывая «романтиком», что тогда звучало особенно уничижительно и зловеще. Бывали периоды, когда почти или даже совсем не печатали. А он не сдавался.

«Я не ушел от романтики и никогда от нее не уйду — от очистительного ее огня, порыва к человечности и душевной щедрости, от постоянного ее покоя».

Романтическая настроенность не позволяет человеку быть лживым, невежественным, трусливым и жестоким. В романтике заключена облагораживающая сила.

Такая романтика нужна людям, особенно молодежи, всегда. И в те страшные, удушающие и уничтожающие человека времена, когда жил Паустовский, и сегодня, в тяжкое время выживания и перехода к новым, неведомым общественным отношениям, в которых таится и угроза элементарной человечности.

Известно, если человеку вдалбливать, что он — свинья, то в конце концов он захрюкает. Долгие годы нас учили, заставляли ненавидеть всевозможного «классового врага» вплоть до родного отца, религию, собственную историю. До сих пор мы не излечились окончательно от этой повальной болезни. Паустовский творчеством, всей своей жизнью противостоял (и противостоял!) всеобщему ра-

стлению ума, души и сердца. Он не устал напоминать, внушать, что в человеке есть доброта, широта, жажда свободы и знаний, потребность и способность любить ближнего своего, природу, Родину и родной язык, правду и красоту. Все без исключения творчество Паустовского можно определить пушкинской строкой: «Чувства добрые я лирой пробуждал».

Кстати, лира не барабан, инструмент шумный, и Паустовский — писатель «тихий», не трибунный, он лирик — «поэт в прозе» (Пришвин). Голос его ненавязчив, тепл и мягок, неподдельно искренен. Это голос давнего доброго друга. А уж как он умел находить и так расстав-

сти его характера была неизменно твердой и неуступчивой, не поддавалась «обстановке», не шла на компромиссы. Из-за этого обрывались многолетние дружеские связи, например с Фединыным, которого К. Г. с горечью называл «комиссаром собственной безопасности».

...Глубокой осенью 1958 года в ялтинском Доме творчества мне пришлось быть невольным свидетелем, как два замечательных писателя вначале радовались награждению Пастернака Нобелевской премией, затем, когда «обстановка» изменилась, шельмовали его в местной газете и, терзаясь содеянным, запирались в своих комнатах, проливая там стыдные,

сливаясь воедино, создавали неповторимую ауру этого пленительного человека, неотразимое обаяние абсолютной естественности, какая присуща разве неброской природе средней полосы России, вдохновенным певцом которой он был (оголтелым национал-патриотам напоминая, что одна бабка истинно русского писателя — турчанка, другая — полька, дед — из украинских казаков).

Чтобы меня не заподозрили в бездоказательной апологетике и неумеренной восторженности, приведу такой, как мне кажется, выразительный эпизод.

В августе 1957 года я впервые приехал к Паустовскому в Тарусу. За обедом центром

в виду прежде всего тех, у кого весь ум уходит в себя-любимую хитрость) пользовались этим, а потом и предавали, не щадя ни души его, ни даже здоровья.

И все равно, ошибаясь, он не переставал верить в доброе в людях, не отчуждался, не замыкался. Он говорил, не припомню — писал ли, что силы ему придают «природа и прелесть человеческого общения» (буквальное выражение).

Я бы добавил — и чувство юмора. Оно очевидно в книгах и еще более и ярче проявлялось в общении. К. Г. часто и озорно применял с неподражаемой интонацией одесские жаргонизмы: «Какая нахальства», «Я дико извиняюсь» и т. п., охотно и весело смеялся чужим шуткам, сам рассказывал преимущественно истории смешные или очень страшные — и даже в них в глубине просвечивал юмор. И все это опять-таки было подкупающе не нарочито, как-то совсем по-детски, непосредственно.

Но и отдыхая, он не переставал работать — выверлял на слухателях фрагменты то ли уже написанного, то ли задуманного.

Последние годы жизни К. Г., превозмогая свирепую болезнь, трудился над самым капитальным своим произведением — многотомной «Повестью о жизни». Я сверлял потом услышанное с текстом и убеждался в невероятной его памяти, воссоздающей в тончайших художнических подробностях события многих лет, бесконечное множество людей, собственные состояния.

Не всем выпало счастье общения с этим светлым человеком, но откройте хотя бы «Повесть о жизни» — и он предстанет перед вами во всем своем неповторимом своеобразии, без маски и роли, в полной слиянности художника и личности.

...Осенью прошлого года довелось побывать в Ялте. И дрогнуло сердце, когда в порту встретил... «Константина Паустовского» — прыгучий теплоход, на котором и отправился вдоль Южного побережья Крыма.

С моря виден на склоне Дарсана верхний этаж Дома творчества писателей, окна той комнаты, в которой работал Паустовский и на моих глазах мучился, задыхаясь от приступа астмы...

Теплоход миновал Форос. Когда-то на машине К. Г. с его шофером Валей, чем-то напоминавшим Швейка, мы пытались добраться до мыса Сарыч и не смогли из-за каменистого бездорожья какой-то тогда местности. А сейчас здесь красуется роскошный дворец — дача бывшего Генерального секретаря, бывшего Президента бывшего СССР.

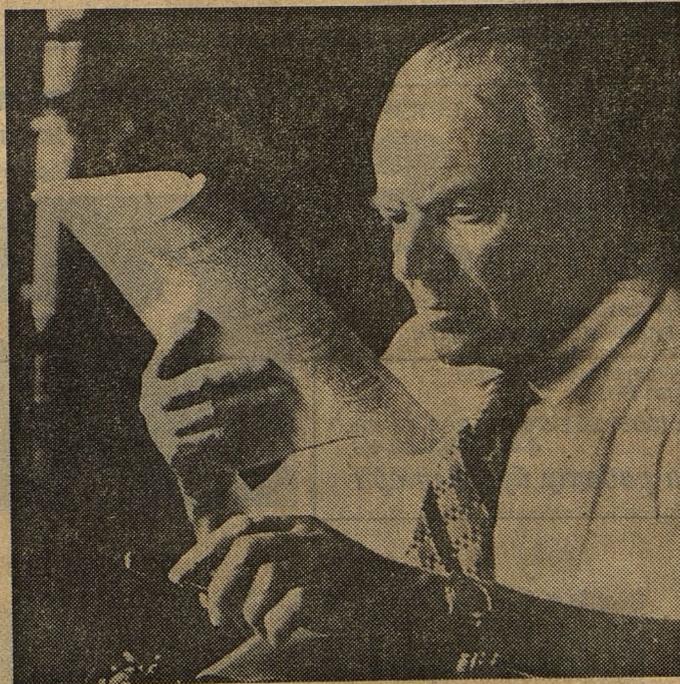
Все меняется. Даже, увы, само Черное море, о котором так любовно писал Паустовский. И он сам давно ушел из жизни.

«Мне хочется хотя бы маленькой, но светлой памяти о себе — это из неоконченной его рукописи. — Такой же слабой, как мимолетная улыбка»...

Игорь КОССАКОВСКИЙ.

«Как он дышит, так и пишет»

К столетию со дня рождения К. Г. Паустовского

лять простые слова, чтобы они обретали изначальную свежесть, как низал их в прекрасные цветы чистой русского языка, и говорить не приходится. Тут он, в лучших своих произведениях, прямой продолжатель Тургенева, Чехова, Бунина (который, при всей своей желчной привередливости, воздал Паустовскому должное).

«Наши недостатки есть продолжение наших достоинств». Бывали, особенно смолodu, у Паустовского и переборы, но ведь о творце судят по лучшим его творениям.

Не только в творчестве, но и в реальной жизни Паустовский в глазах «резвых реалистов» оставался неисправимым «наивным романтиком».

У военных есть понятие — «действовать по обстановке». Многие, и не только писатели, следовали (и следуют) этому, с позволения сказать, принципу. Но не Паустовский. Он и писал и жил иначе — что называется, по совести. А она, совесть, при всей мягкости и незлобиво-

покаянные слезы. Так ломались многие незаурядные личности.

Позже приехал К. Г. и рассказал в юмористических тонах, как и его уламывали на разных уровнях, как пригласили наконец в ЦК партии, и там в течение целого дня, большого (астма уже была в разгаре), голодного, передавая с рук на руки, «обрабатывая», добываясь в той или иной форме осуждения Пастернака. Все было тщетно.

В этом рассказе не было ни гневных инвектив, ни тени самолюбования собственной стойкостью, но, как обычно, за легкой самоиронией скрывались неподкупная совесть и подлинное человеческое достоинство. «Писатель все должен понимать спокойнее и добрее, чем другие люди», — эти слова из рассказа «Песчинка» не поучение ментора, а (совершенно излишний) молитвенный наказ самому себе, вечное недовольство собой.

Органическая застенчивая скромность, безоглядная искренность, чуткая деликат-

внимания стал выдающийся музыкант и невероятный эрудит Андрей Волконский (из тех самых князей). Позже мы с К. Г. уединились в его кабинете (бревенчатый сруб, пристроенный к дому). Одинокая роза стояла в стакане.

С трудом выдавливая корявые слова, я пожаловался на свою скованность в общении с ним. Оглянувшись на дверь, К. Г. сказал:

— Игорь, милый, я при князе рот боюсь раскрыть.

И рассмеялся тихим, самозабвенным смехом, от души потешаясь над самим собой, ничуть не заботясь произведенным впечатлением, хотя знакомы мы еще были, что называется, без году неделю.

А он тогда находился на взлете своей запоздалой славы — наперебой издавались книги, начал выходить шеститомник. Его стали переводить на многие языки мира. Страстный путешественник, он наконец побывал за границей — в первом тогда круизе, и к приходу теплохода в очередной порт в Греции, Италии, Франции писателя Паустовского встречали персонально, перед ним публично на колени встала знаменитая актриса Марлен Дитрих...

Ему же и в голову не приходило «держаться дистанцию», напускать на себя важную значительность, играть роль мэтра, изрекать, поучать (так ведь и в «Золотой розе» и других книгах), он никогда не стремился «казаться», всегда оставаясь самим собой, доброжелательным и открытым.

В своих блистательных устных рассказах он нередко вспоминал Гайдара (многообразнее и острее, чем писал о нем), и, в частности, о том, как, бывало, Гайдар, когда его знакомили с кем-нибудь, мог спрятать руку за спину и сказать в лицо: «Не буду знакомиться — плохой человек». И никогда не промахивался, уверял К. Г.

А сам он так не мог, изначально доверяя людям. И «резвые реалисты» (я имею